

Список литературы

1. Колобов О. А., Шамин И. В. Базовые принципы китайской стратегической культуры осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 312–321.
2. Ван Г., Журавлева Е. В. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2015. № 1. С. 60–69.
3. Молодов О. Б. Формирование идентичности населения современного Кыргызстана // The Newman in Foreign Policy. 2017. № 38. С. 70–73.
4. Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14, вып. 1. С. 30.
5. Жакьянова А. М. Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана // Дискурс-Пи. 2017. Т. 14, № 1. С. 101–110.
6. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13, вып. 4. С. 74–89.
7. Тулеев М. С. Геополитическая стратегия безопасности в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16, № 6. С. 191.
8. Бабаян Д. Некоторые направления геополитики Китайской Народной Республики в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13, вып. 4. С. 68, 71–72.
9. Русская Православная Церковь. Московский Патриархат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1231147.html> (дата обращения: 19.10.2017).
10. Молодов О. Б. Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс-Пи. 2017. Т. 14, № 1. С. 96.
11. Международный валютный фонд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/index.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
12. Никоноров А. Главные торговые партнеры Казахстана: Россия и Китай [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.365info.kz/2017/08/top-10-glavnyh-torgovyh-partnerov-kazahstana> (дата обращения: 19.10.2017).

УДК:316.33 (510)

Валентина Сергеевна Морозова,

*доктор философских наук, доцент, профессор
Департамента востоковедения и африканистики,
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

Кристина Сергеевна Дубровская,

*аспирант кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: hatkova@inbox.ru*

Социокультурная идентичность в пространстве приграничного взаимодействия РФ – КНР: проблемы формирования и сохранения

В статье рассматривается феномен социокультурной идентичности населения приграничных территорий РФ – КНР, вопросы его формирования и сохранения. Представлен краткий анализ стереотипных представлений о «китайской угрозе» и в этом контексте – мнения российских, западных и китайских ученых. Авторами отмечается, что выявление специфики взаимодействия приграничных региональных культур России и Китая определяет как потенциал возможностей их использования, так и степень их культурной трансформации. Исследуя

сложный характер культуры приграничного региона и специфику его основы для формирования социокультурной идентичности, делается вывод о необходимости актуализации значимости культур приграничных территорий, что предполагает стремление приграничных субъектов РФ к повышению эффективности приграничного сотрудничества с Китаем для решения совместных задач соразвития.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, региональная культура, приграничное межкультурное взаимодействие РФ – КНР, социокультурная безопасность

Valentina S. Morozova,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor at Department of Asian and African Studies,
National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

Kristina S. Dubrovskaya,

*Postgraduate Student of Oriental and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: hatkova@inbox.ru*

Sociocultural Identity in Space of Russia – China Cross-border Cooperation: Problems of Formation and Preservation

The article examines the phenomenon of sociocultural identity of the population in Russia – China border areas, the issues of its formation and preservation. A brief analysis of the stereotyped ideas about the “Chinese threat” and, in this context, the views of Russian, Western and Chinese scientists are presented. The authors note that the identification of the specifics of interaction between bordering regional cultures of Russia and China determines both the potential for their applying and the degree of their cultural transformation. Researching the complex nature of border region culture and the specificity of its basis for the formation of sociocultural identity, authors made the conclusion about the necessity of border areas cultural significance actualization, which implies the desire of Russia border regions to improve the effectiveness of cross-border cooperation with China for solving mutual development problems.

Keywords: sociocultural identity, regional culture, Russia – China cross-border intercultural cooperation, sociocultural safety

Культурфилософское осмысление социокультурного пространства приграничья «не только как места, но и как результата взаимодействия приграничных региональных культур, позволяет определить его неоднородность, выражающуюся сконструированными по обе стороны границы региональными культурами, функционирование которых обуславливается контекстуальной характеристикой самой границы как детерминированной идеей движения и проницаемости» [1]. Осуществление комплексного анализа этих сложноорганизованных

пространств наводит на мысль о необходимости детализации культурно-цивилизационной специфики территорий приграничья, что делает невозможным формирование единого приграничного социокультурного пространства, но создает общее пространство приграничного взаимодействия.

Особое внимание мы уделяем понятию «социокультурное», практику использования которого в едином контексте можно впервые заметить в социологических теориях П. А. Сорокина. Функционирование региональных культур

тур в общем социокультурном пространстве приграничного взаимодействия характеризуется как взаимодействие культур разных цивилизационных типов, что требует выработки специфических форм их взаимодействия. Поэтому авторы предлагают модель «диалогичности региональных культур» по обе стороны границы. Данная модель подразумевает всестороннее развитие культур приграничных регионов по обе стороны границы с обязательным сохранением их региональной социокультурной идентичности, но без акцента на чьей-либо доминирующей роли. В то же время социокультурная идентичность региона является производной от идентичности цивилизационной. В. А. Абрамов отмечает, что «цивилизационная идентичность – одна из наиболее глубоких, архетипических форм социокультурного позиционирования личности» [2].

Рассматривая специфику диалогичности региональных культур, о которой шла речь в предыдущем абзаце, отметим, что обретение «легитимного статуса» обеими культурами, признание региональной специфики каждой из них становится необходимым правилом межкультурного диалога в приграничье. Данный подход в контексте реализации межкультурного взаимодействия региональных культур в пространстве приграничья может не только нивелировать негативные тенденции, но и будет способствовать трансляции культуры за рубеж как толерантный способ сказать о культурной силе региона. Под трансляцией мы имеем ввиду передачу социокультурного опыта, которая возможна исключительно посредством коммуникаций с помощью определенных систем. Социальные формы трансляции культуры наиболее важны. Одной из них является традиция. Как отмечал Г. Сеель, традиции для народа – это то же самое, что для человека привычка.

Многообразие ценностных традиций многотысячелетней культуры Китая успешно инкорпорировано в политическую культуру страны и совершенно очевиден плодотворный синтез экономических преобразований и процессов построения гражданского общества. Говоря о процветании китайской культуры, нельзя не отметить этот аспект и в материалах 19-го съезда КПК, в частности – исполнение к 2027 году «Плана-863» («исправление имен и наведение порядка в знаках и символах»). Основной задачей плана становится обеспечение перехода устоев сознания китайцев от ортодоксального марксизма через «ограниченную вестернизацию» к национальной идентичности «духа великих предков». Российский востоковед А. А. Маслов также отмечает, что еще несколько лет назад китайская идентичность во многом строилась на экономическом буме, сегодня же речь идет о т. н. «китайской мечте», т. е. о возвращении национальной китайской идее, о возвращении Китая на тот уровень самодостаточности, на котором он был до середины XIX века. Концептуальным оформлением ценностных трансформаций китайского общества А. В. Виноградов считает тезис о взаимосвязанном строительстве трех культур – материальной, духовной и политической, воплотивших материальное превосходство Запада, социальную справедливость социализма и политические традиции, в сумме представляющих новую идентичность Китая. На границах идентичность, как собственно говоря, и культура претерпевает существенные изменения. Фронтиры социокультурной идентичности, связанные с самоидентификацией населения, существенно трансформируются.

Выявление специфики взаимодействия приграничных региональных культур России и Китая определяет как потен-

циал возможностей их использования, так и степень их культурной трансформации. Теоретические положения, конкретизированные выше, применительно к культурной политике России и Китая в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия в результате культурфилософского анализа позволяют сформулировать нижеследующее.

Результативность процессов культурной диффузии в социокультурном приграничном пространстве определяется особенностями культурной политики России и Китая в разные исторические периоды. Так, это привело к тому, что этнокультурный ландшафт приграничных территорий России сохранил свою региональную социокультурную идентичность в большей степени, а ряд территорий Северо-Восточного региона КНР подверглась значительной трансформации под влиянием русской культуры. Однако внимание можно обратить и на современную социокультурную ситуацию в приграничье РФ-КНР, характеризующуюся значительной динамикой и усилением влияния китайского феномена «мягкой силы». Более того, социокультурное пространство Китая в целом, и его приграничных регионов в частности, в настоящее время конструируется четкой деятельностью руководства КНР. Будучи дифференцированным регионально, социокультурное пространство Китая внутренне остается неделимым. Приграничные же регионы попадают под отдельную стратегию, учитывающую их наибольшую уязвимость. В связи с этим ряд ученых говорят об использовании в научном лексиконе таких понятий как китайские региональные практики, китайское социокультурное пространство, социокультурные инновации и т. п. [2].

Как следствие, эти моменты требуют контроля ситуации со стороны России, а также – применения опережающей

стратегии для прогнозирования рисков и предотвращения возможных негативных последствий. Для сохранения региональной социокультурной идентичности и в качестве главного инструмента соразвития приграничных территорий РФ-КНР авторы предлагают дополнение стратегии социально-экономического развития приграничных территорий России задачами социокультурного соразвития приграничных территорий двух стран. Справедливости ради стоит отметить, что сегодня отмечается мощная активизация цивилизационной идентичности Китая, которая активно используется в процессах модернизации страны. Не последним звеном здесь становится культурно-цивилизационный потенциал региональных культур, представленный как самобытный социокультурный феномен, позволяющий рассмотреть его в культурологическом измерении как специфическую целостность, интегрирующую субстанциональные характеристики: антропологические, социальные, культурные [1]. В контексте усиливающейся трансляции китайской политики «мягкой силы», реализация процессов соразвития с учетом ресурсного потенциала региональных культур становится единственным шансом для российского приграничья не допустить внедрения чуждых культурных элементов. Более того, это поможет и одновременно продвигать элементы своей культуры в инкультурное пространство китайского приграничья. По словам китайского исследователя Ван Ивэя «следует стремиться к тому, чтобы каждая страна мира нашла в китайской ценности близкий себе ценностный элемент, обнаружила свою ценностную взаимосвязь с китайской культурой». Западные исследователи феномена китайской идентичности уже несколько лет акцентируют внимание на ее основе – не только на уникальности

восточной культуры и цивилизации, но и на территории (ойкумене) ее возникновения и развития [3].

Поскольку сам феномен границы представляет собой не функцию разделения, но определенный ресурс к активному взаимодействию двух «отделенных» ею элементов, то процессы обнаружения схожих ценностных элементов в процессе конструирования приграничной социокультурной идентичности могут быть весьма активными и не в нашу пользу. Интенсификация информационных потоков средствами массовой информации и изменение повседневной жизни населения выделяются как основные механизмы трансформации региональных культур приграничья. Трансформация региональной культуры приграничья осуществляется и в ходе конструирования руководством Китая особой социокультурной атмосферы своего приграничья, ориентированной на русскую специфику, что одновременно приводит к оттоку русского населения со стороны российского приграничья (т. н. ирреденты). Китайская сторона, используя элементы русской культуры (зачастую искажая их традиционную природу), развивает собственные приграничные территории. В случае игнорирования подобной ситуации со стороны России, в будущем возможно затруднение полноценного и равноправного диалога культур, что в свою очередь приведет к угрозе сохранения социокультурной идентичности российских территорий. В целях недопущения подобной (даже частичной) утраты социокультурной идентичности жителей приграничья РФ необходимо в кратчайшие сроки дополнить стратегию экономического освоения приграничных регионов России задачами их социокультурного развития, о чем было сказано выше.

Справедливости ради отметим ряд моментов, которые, пугая жителей при-

граничья, все же остаются типичными стереотипами. Например, по некоторым данным на Дальнем Востоке живет более 2 млн китайских мигрантов, количество которых к 2015 году достигнет 10 млн человек. При этом с российской стороны вдоль границы КНР и России сейчас живут менее шести с половиной миллионов человек, а только в одной из китайских приграничных провинций – Хэйлуцзян – проживает более 34 миллионов. Такое соотношение, безусловно, скажется на трансформации социокультурной идентичности приграничья, которая затронет все сферы жизнедеятельности населения – от бытовой до экономической, духовной, политической. Комментируя данную информацию, А. Т. Габуев (руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги) отмечает, что этого не дадут сделать российские власти, что само по себе является довольно осознанной и давней политикой. Относительно того, насколько это мудрая политика, можно долго спорить, и Чайнатауны есть в тех же США, в Японии, других странах, и никто эти страны пока не захватывает, большой угрозы они не представляют. И преступность в основном концентрируется внутри самого Чайнатауна. Тем не менее, российская реальность именно такова, что компактные поселения создавать не получается. И это служит одним из барьеров для приезда китайцев в Россию [4].

Безусловно, сегодня взаимодействие России и Китая в приграничье характеризуется наибольшей активностью, что, вместе с тем, затруднено рядом факторов, среди которых главенствующими являются:

- проблема определения «культурного превосходства»;
- недостаточная осведомленность взаимодействующих субъектов друг о друге.

Вышеуказанное диктует необходимость и важность определения культурного механизма, устраняющего этот барьер. В качестве такого механизма авторами предложена модель «диалогичности региональных культур приграничья», основанная на целостности региональных культур по обе стороны границы и выстраивающая схему дополняемости, но не выбора роли. Такой вариант межкультурного взаимодействия способен сменить односторонний вектор распространения культурных элементов, став стимулом для дальнейшего развития межрегионального сотрудничества в сфере культуры, что в свою очередь определит место культурной политики приграничных регионов в общей стратегии развития национальной культуры.

В общем, непростой характер региональной культуры приграничья определяет целесообразность ее комплексного исследования на основе принципа дополняемости методологии гуманитарных и точных наук, совокупность инструментария которых интегрирует большое количество методов, подходов,

концепций, направленных на познание социокультурных процессов и явлений. Более того, такой принцип позволяет не только конкретно формализовать культурный потенциал региона, но и учесть варианты его развития с учетом внешних факторов. В складывающихся условиях представляется своевременным представлением региональной культуре приграничья статуса основы для создания приграничного культурного кластера, его интеграции в туристско-рекреационный кластер, имеющего общую характеристику функционирования в пределах российско-китайского приграничья [5]. Данный подход актуализирует значимость региональных культур приграничья и предполагает стремление приграничных субъектов РФ к повышению эффективности сотрудничества с Китаем для решения совместных задач соразвития, что будет способствовать укреплению российского культурного присутствия в мире, созданию благоприятных условий для продвижения за рубеж культурных и духовных ценностей русской культуры в их аутентичной форме.

Список литературы

1. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 13, 92.
2. Абрамов В. А., Абрамова Н. А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014. С. 18, 45.
3. Frank Dikötter. Culture, Race and Nation: The Formation of National Identity in Twentieth Century China // Journal of International Affairs. 1996. Vol. 49, No. 2. P. 590–605.
4. Габуев А. Т. Китайцы в Россию не хотят [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/2017/07/21/ru-pub-72620> (дата обращения 10.10.2017).
5. Морозова В. С., Шаренкова Т. А. Приграничный социокультурный кластер как механизм становления инновационного типа партнерства в практике соразвития Дальнего Востока и Забайкальского края РФ и Северо-Востока КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чита, 10 марта 2015 г.) / науч. ред. Н. А. Абрамова, В. С. Морозова; отв. ред. А. Ю. Лавров. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 141.